А. В. Антощенко

А. В. Карташев о взаимоотношениях русских православных приходов в Западной Европе с Московской патриархией в 1920–1930-х годах

Творческое наследие известного историка, богослова, политического и общественного деятеля Антона Владимировича Карташева (1875–1960) вернулось на родину на рубеже тысячелетий, когда были переизданы его исторические и публицистические работы. Вместе с этим обозначился интерес к его биографии, абрис которой намечен лишь в самых общих чертах¹. Перспективы дальнейшего исследования, как показывают новейшие работы², определяются введением в научный оборот неизвестных ранее источников и использованием методологических принципов интеллектуальной истории³. С учетом этого написана данная статья, основанная на ранее не изучавшейся публицистике историка 1920–1930-х годов и когнитивных принципах концепции «понимание» (*verstehen*)⁴, дополненных дискурсивным анализом⁵. Такой подход намечен С. П. Бычковым, опубликовавшим два открытых письма А. В. Карташева местоблюстителю патриаршего престола Сергию (Страгородскому)⁶, являющихся важными, но далеко не единственными источниками. В результате, наряду с верными наблюдениями о личном отношении историка к рассматриваемой проблеме, а также о необходимости учитывать изменение его «точки зрения» с течением времени, омский исследователь, на наш взгляд, не вполне обоснованно заключает, что

**Антощенко
Александр
Васильевич**
д-р ист. наук, проф.,
Петрозаводский
государственный
университет
(Петрозаводск,
Россия)

можно четко различить позицию А. В. Карташева как политика и как историка. Изучение всего массива материала не подтверждает вывода С. П. Бычкова, что о предстоящем процессе Антон Владимирович судил как политик, а о завершённом — как историк. Опровержение этого положения является частной задачей данной статьи. Главные же вопросы, ответы на которые представлены в ней, можно сформулировать следующим образом: как и почему меняется восприятие изменения взаимоотношений возглавляемого митрополитом Евлогием (Георгиевским) объединения русских приходов в Западной Европе с Московской патриархией в рассматриваемый период? Как такое изменение оформляется в определенном дискурсе и, коль скоро это определенный дискурс, какие пределы он устанавливает для содержания оценок А. В. Карташева? Наконец, каково соотношение политической, исторической и религиозной аргументации в указанном дискурсе?

Первым обращением А. В. Карташева к вопросу о церковных делах в эмиграции стал его отклик⁷ на решения собрания иерархов и мирян в Сремски Карловцах в конце 1921 г. Ранее было опубликовано его выступление на съезде Русского национального объединения, на котором создан Русский национальный комитет (далее — РНК), взявший на вооружение принципы непримиримости, непредрешенчества и центризма⁸. Поэтому в статье «Политика и церковь» ему пришлось подробно обосновывать принцип аполитизма, явно противоречивший непримиримости к большевистскому правлению. Обоснование его А. В. Карташев проводил, исходя из характерного для позитивистского историзма представления об относительности конкретно-исторических истин, т. е. их релятивизме. До революции аполитизм в представлении левых означал исключение церкви из политики, когда нельзя было привлечь ее представителей на свою сторону. Революция и Гражданская война изменили ситуацию. Старые подходы стали не действенны, так как обе противоположные идеологии-демагогии, подпитывавшие Гражданскую войну, потерпели крах. За этим скрывалась мысль, что только центризм позволит выйти из войны. Открыто же провозглашалась необходимость следования абсолютному принципу теократизма. А. В. Карташев говорил о данном принципе еще до революции, в феврале 1916 г.⁹, а в 1917 г., во Временном правительстве, он пытался провести его, выступая за «систему взаимной независимости церкви и правового государства при их дружественном моральном сотрудничестве»¹⁰. Сейчас, в новых условиях, речь должна была идти уже не о разделении церкви и государства, а об отделении церкви от государства, что, казалось бы, сближало его с позицией П. Н. Милюкова. Однако, в отличие от лидера кадетов, он давал этому процессу религиозное обоснование, отмечая, что наступила иная, послеконстантиновская эпоха, отличающаяся от стремления установить «симфонию церкви и царства»¹¹. С учетом подобной исторической перспективы А. В. Карташев формулировал новый критерий оценки: значимо отношение государства к церкви, а не политическое устройство. Поэтому для него было не важно — республика или монархия установятся в освобожденной от большевиков России (как выражение непредрешенчества), а важно — каково будет отношение государства в любой форме к церкви. Сам А. В. Карташев

в то время, как и до революции, считал, что «фактически монархия лучше для Церкви»¹², и допускал, что за нее выскажется народ в свободной России. Критическая оценка российских республиканцев в эмиграции была намеком на расхождение с П. Н. Милюковым и его сторонниками, относившимися, по мнению Антона Владимировича, к церкви скорее негативно. Такое косвенное утверждение монархизма оставляло место для диалога с «карловчанами», хотя А. В. Карташев позиционировал себя как «тихоновец» и с этой позиции заявлял, что они совершили «грех», заявив о необходимости реставрации Романовых.

Принцип теократизма позволял ему предложить позитивную оценку церковной иерархии: осознание епископатом возможности независимости от государства. Поэтому А. В. Карташев утверждал, что решение карловацкому собранию, объявившему себя всезаграничным православным собором, навязали консервативно настроенные миряне. Это можно рассматривать как своеобразный жест приглашения иерархов в стан сторонников аполитизма патриарха Тихона, а также как признание неприемлемости для историка реставраторских устремлений крайне правых монархистов.

В мае 1923 г. А. В. Карташев осудил деятельность обновленцев на страницах «Вестника РНК»¹³, предложив собственное объяснение сути и причин возникновения указанного явления в Советской России: «Преступное, но активное, меньшинство захватило власть над беспомощным и тихо плачущим стадом»¹⁴. Никакой симпатии у А. В. Карташева это меньшинство не вызывало. Причины произошедшего виделись ему в трех дьявольских соблазнах: властью, хлебом и «кажущимся мировым триумфом».

Первый соблазн («властью») был результатом недостатка осознания самостоятельности церкви, ее независимости от государства. Важно отметить, что, в отличие от не очень внятного отношения к принципу аполитизма патриарха Тихона в статье «Политика и церковь», здесь А. В. Карташев четко выразил позитивную оценку формулировки этого принципа патриархом, «отозвавшим церковь с боевых и спорных политических позиций в надежнейшую и свойственную ей область молитвенного и благодатного попечения о душах». «И горе нам, если здесь, на свободе, отступим от завета святого отца и бросим авторитет церкви в водоворот политической борьбы, далеко еще не законченной гражданской войны»¹⁵, — продолжал историк, выступая тем самым за аполитизм эмигрантской церкви, хотя и оставаясь при этом непримиримым противником большевистского режима и коммунизма¹⁶.

Последний соблазн (очевидно, национальной гордыней) был обусловлен безучастностью церкви в решении социального вопроса, но его решение, как и преодоление всех названных соблазнов, возможно было, по мнению А. В. Карташева, на основе «самодержавной, самодовлеющей, сверхгосударственной, сверхнациональной, вселенской»¹⁷. Здесь важен последний принцип — вселенскость как эквивалент принципа соборности¹⁸, — который, как и патриаршее управление, являлся подлинным завоеванием революции, противопоставляемым обновленчеству. Эти три принципа — вселенское, соборное и патриаршее управление церковью — стали ведущими в оценках А. В. Карташевым перипетий взаимоотношений с Московской патриархией.

В первом номере газеты «Возрождение», созданной его другом и соратником П. Б. Струве, А. В. Карташев в связи с 1600-летием Никейского собора вновь повторил положение о необходимости отделения церкви от государства, чтобы избежать «протivoестественного союза с властью бесовской»¹⁹. Однако теперь это же положение оказывалось значимым и в отношении неканонически добившихся автокефалии православных церквей в Финляндии и Польше. «В таких положениях простое и ясное отделение церкви от государства — наилучшее, хотя, конечно, не идеальное, решение»²⁰, — утверждал историк. Вместе с тем, намечая контур будущих оценок, он бросал упрек недоросшей до свободы иерархии в Финляндии и Польше, где отделение от государства улучшило бы положение православных.

Смерть патриарха Тихона 7 апреля 1925 г. обусловила изменение ситуации в Московской патриархии²¹ и определила важное изменение позиции А. В. Карташева. «Понятнее и простительнее растерянность действующей в Советской России православной иерархии»²², — заявлял он и вновь утверждал действенность принципа аполитизма для нее, поскольку нельзя требовать пролития крови в «невозможных восстаниях». Но задача эмигрантов виделась теперь ему совсем иначе: «уметь содействовать скорейшему освобождению страждущих братьев методами активной борьбы»²³. Он считал, что пассивизм, допустимый в Советской России, в эмиграции являлся позором. Тем самым несообразность принципа аполитизма с принципом непримиренчества устранялась за счет ограничения территории их действия. «Искание путей активности в борьбе с антихристовой властью над нашей родиной и над всем миром и принципиальное освящение этих путей — вот долг зарубежной русской иерархии, соответствующий по существу боговдохновенному завету императора Константина»²⁴, — завершал он статью.

Однако это не означало поддержки курса на автокефалию заграничной церкви, которого, как полагал А. В. Карташев, придерживался Карловацкий архиерейский синод, медливший с признанием местоблюстителя патриаршего престола митрополита Петра (Полянского), законно назначенного завещательным распоряжением патриарха Тихона²⁵. В следующей статье в «Возрождении»²⁶ А. В. Карташев выдвинул обвинение в адрес Синода, заявив, что разработка им проектов административного разрыва с «мученической московской патриаршей церковью» и установление за границей фактической автокефалии «с претензией возглавить титулярно» из-за рубежа «и всю всероссийскую церковь (!)»²⁷ ведет к расколу. Причем он ставил карловчан в один ряд не только с иерархией автокефальных православных церквей в Финляндии, Польше и на Украине, не понимавшей значение свободы церкви, но и с «красноцерковниками»²⁸, подчинявшимися ее политике большевиков.

Открытый разрыв митрополита Евлогия с Архиерейским синодом и последовавшие за этим отстранение митрополита от управления западноевропейскими православными церквами и запрещение ему священнослужения определением Синода от 25–26 января 1927 г. «О церковной смуте»²⁹ вызвали ответ митрополита Синоду³⁰ и его обращение к духовенству и пастве³¹, в которых он разъяснял незаконность постановления. В защиту своего архипастыря выступил

А. В. Карташев. В рукописи от 5 марта 1927 г., сохранившейся в его архивной коллекции³², он показывал каноническую несостоятельность «запрещения» митрополита Евлогия и необоснованность выдвинутых против него обвинений. В тексте четко прослеживаются два главных момента: значение признания патриаршего управления и соборность. А. В. Карташев стремился отделить митрополита Антония и архиепископа Феофана (Быстрова) от остальных членов Синода, действовавших, как он намекал, по указке Высшего монархического совета³³. Главным виновником этого объявлялся епископ Серафим (Соболев), «открыто заявлявший о своем неподчинении собору 1917 г.»³⁴ и выступавший против патриаршества. Относительно соборности историк четко прояснял каноническое понимание этого принципа: «Слово “соборность”, “соборный” заменяет в славянском тексте слово “всеобщий, вселенский” и никогда не признавалось равнозначным слову “синодальный” или “коллегиальный”, как это хотят теперь доказать. Соборность есть “признание всеми, чрез действие Святого Духа”»³⁵. В этом заключалось, по его мнению, главное отличие православия от католичества, где в соответствии с постановлением Ватиканского собора 1869–1870 гг. догматическое решение принадлежало папе, говорящему с кафедры, тогда как в православии «в этом решении участвует все Тело Христово, среди же епископов соборным называется такое решение, которое принято всеми единодушно»³⁶. Тем самым А. В. Карташев отводил возможность обвинения в папизме за последовательное проведение принципа патриаршего управления, демонстрировал свою солидарность с другими коллегами Свято-Сергиевского института, которые в то время на страницах журнала «Путь» делали акцент на соборности в православии, трактуя церковь прежде всего как Тело Христово³⁷, наконец, указывал на невозможность единодушия Синода, решения которого не приняты митрополитом Евлогием и митрополитом Платоном, имевшими паству, т. е. к необоснованности притязаний его членов на роль собора добавлялось отсутствие в его решениях соборности.

После того как митрополит Евлогий получил поддержку епархиального собрания в июле 1927 г., А. В. Карташев, как мирянин, уподобил действия карловацких архиереев и их окружения, готовых решительно выступить против советской власти, поступкам «воинственным, по духу римско-католическим, вполне понятным для людей государственного сердца, воспитанных в духе римского права и европейского рыцарства», но лишившим их паствы. «Епископат, оторванный от своего народа, теряет свою соборность»³⁸, — делал логический вывод из своих рассуждений историк. Тогда как патриарх Тихон выбрал путь смиренно-страдальческий, русскоевангельский, в чем-то юродивый, но который «поддержал верный гонимому и мученическому православию народ церковный»³⁹. Вместе с тем он дал не политическую, а религиозную интерпретацию смирения перед властью большевиков, поскольку считал, что патриарх Тихон вынужден был констатировать колоссальную перемену, случившуюся за тысячу лет в первый раз в истории церкви, а именно внезапное превращение государства из православного в антихристианское. В этом же духе оценивалось и согласие подписать «три бумажки, подсунутых ему ГПУ» в 1924 г., как самоуничтожение и юродство «ради спасения православной церкви»⁴⁰.

Основные статьи по вопросам взаимоотношений евлогийских церковных приходов в Западной Европе с Московской патриархией публиковались историком в еженедельнике «Борьба за Россию», который стал издавать С. П. Мельгунов при активном участии А. В. Карташева с 27 ноября 1926 г. Возглавлял Московскую патриархию в то время заместитель патриаршего местоблюстителя митрополит Сергей (Страгородский), в бытность ректором Петербургской духовной академии предложивший в 1905 г. историку либо прекратить свои либерально-критические выступления против церкви в печати, либо покинуть академию. Первая статья А. В. Карташева на церковные темы⁴¹ появилась через два дня после предписания 14 июля 1927 г. митрополитом Сергием митрополиту Евлогию лояльности к советской власти⁴². В своих оценках А. В. Карташев исходил из признания провала «религиозного фронта», в борьбе на котором большевики использовали «красноцерковничество» (или обновленчество). Обновленцы не получили поддержки верующих, что позволяло ему утверждать, что «тихоновская линия» — каноническая, законная⁴³. Просоветской позиции синодальной церкви в СССР, являвшейся, по его оценке, агентом ГПУ и созданной карьеристами и оппортунистами, захватившими аппарат церковного управления «под предлогом более умной и спасительной для церкви политики», противопоставлялся единственный достойный путь — мученичество. «Единственная сила церкви, — писал историк, — кровь мученическая, венец мученический украшают сейчас кроткое и непорочное чело “тихоновского” стада. А на вашем челе, “вожди буии и слепые”, каинова печать братоубийства и в руках гиблая иудина корысть предательства “крови неповинной”. За чечевичную похлебку большевистских привилегий в какую вы адскую тину въехали! Каким постыдным именем “воров смутного времени” заклеят вас история! С каким отвращением о вашем хриstopродавчестве будет рассказывать изумленным потомкам история церкви!»⁴⁴ Последнее выражение вполне отчетливо свидетельствовало об идее суда истории, характерной для морализаторского или назидательного типа исторического нарратива, но не соответствующей пониманию апокалипсиса как конца времен и акта воздаяния.

Хотя А. В. Карташев и относил суд истории в будущее, но в действительности он уже в этих статьях осуществлял историзацию происходящих событий, которые виделись ему как «расколы во всероссийской церкви». Именно так была названа одна из серии статей в «Борьбе за Россию»⁴⁵. Историческая причина расколов виделась ему в ослаблении «внутреннего соборного сцепления», вызванном подчинением церкви государству после петровских преобразований. Не отрицая возможности автокефалии православных церквей в образовавшихся после крушения Российской империи государствах, он настаивал на ее каноническом утверждении патриархом Тихоном. «Самочинное» утверждение автокефалии с опорой на действия национальных правительств, напротив, вызывало порицание историка, который к тому же называл «мнимым» право константинопольского патриарха разрешать автокефалию, а тем более смещать русских архиепископов⁴⁶. Только в Латвии провозглашение автокефалии прошло более-менее канонично благодаря такту назначенного патриархом Тихоном «талантливого архиепископа из латышей» Иоанна (Поммера). Он принял

автокефальную конституцию Латвийской православной церкви, но эту автономию *de facto* «без всяких канонических упреков» утвердит *de jure* будущий собор Московского патриархата. Указывая на эти болезненные канонические разрывы («расколы»), А. В. Карташев все же отмечал, что они — «внешние». Внутренний раскол произошел в самой зарубежной русской церкви, который историк подробно охарактеризовал в следующей статье⁴⁷.

При рассмотрении оценок А. В. Карташева следует отметить те изменения, которые произошли по сравнению с его более ранними интерпретациями. Прежде всего, они стали результатом ознакомления с более обширным объемом свидетельств, хотя понятно, что он не обладал всеми необходимыми данными. Однако более значимыми являлись его оценочные суждения и интерпретация, а не новые факты. Прослеживая путь российских иерархов с юга России через Константинополь в Сремски Карловцы, историк отмечал, что здесь они должны были оказаться в юрисдикции восстановленного с 1920 г. Сербского патриархата. Но «руссолобивые» сербы «посмотрели сквозь пальцы» на фактически автономное самоуправление иерархов, создавших Русское высшее церковное управление за границей, продолжавшее традицию юга России и признанное всеми заграничными частями русской церкви. Вслед за этим первым незначительным каноническим нарушением А. В. Карташев указывал уже на «подрыв канонической базы»: патриаршее смещение покинувших свои епархии епископов и замещение их новыми. Вследствие этого бывший киевский митрополит Антоний и бывший Полтавский архиепископ Феофан теряли право на управление епископами, имевшими свои епархии. Патриарх Тихон спокойно относился к этому, и вопрос мог быть разрешен, как считал А. В. Карташев, после некоторых «соборно проведенных коррективов», но тут сказала «исторически характерная черта русской иерархии»⁴⁸. Историк вновь указывал на исторические предпосылки произошедшего. Церковь в послепетровское время была не только национальной, но и государственной, а «иерархия имела государственную миссию и по долгу службы делала правительственную политику»⁴⁹. Возвращаясь к оценкам времен Первой русской революции⁵⁰, А. В. Карташев подчеркивал, что митрополит Антоний был из числа тех иерархов, которые выполняли эту миссию «со вкусом и вдохновением»⁵¹. По воспитанию и закалу он вместе со своими сподвижниками мыслил восстановление национальной России только реставрационно-монархически. В результате получалось, что именно иерархи провели в Сремских Карловцах в 1921 г. голосами зависимых от них мирян резолюцию о восстановлении Романовых, а не наоборот, как утверждалось ранее. Меньшинство белого духовенства (под водительством архиепископа Евлогия и епископа Вениамина) выступило против. Патриарх Тихон отдал карловчан на суд Высшего церковного управления (т. е. поступил канонически), и 5 мая 1922 г. Карловацкий собор был признан не имеющим канонического значения, особенно его политические акты, — так оценивал произошедшее А. В. Карташев. Высшее церковное управление за рубежом было закрыто, а заграничные приходы переданы заведыванию бывшего Холмского архиепископа Евлогия, признанного в мае 1921 г. вместо митрополита Петроградского управляющим церквами в Западной Европе. Сразу после собора,

в январе 1922 г., он был возведен в сан митрополита, в чем А. В. Карташев увидел демонстративный жест одобрения его аполитичной позиции во время Карловацкого собора.

«Этими своими актами патриарх Тихон, — интерпретировал его действия историк, — дал сигнал за рубеж по вопросу церковно-государственному»⁵². И первые обращения патриарха, и его послание к южнорусскому духовенству в сентябре 1919 г. с призывом «выйти из гражданской войны», в интерпретации А. В. Карташева, свидетельствовали о понимании, что «произошедший насильственно разрыв тысячелетней связи церкви и государства» диктует аполитизм церкви «во имя сохранения своей чистоты и достоинства»⁵³. К этому добавлялся как прагматический аргумент — при провале белых фронтов нельзя призывать духовенство вести войну с противостоящими ему пулеметами, так и принципиальный — исчезла власть, с которой был возможен союз (с большевиками он невозможен). «Так и получилось, что патриарху Тихону пришлось своими указами отметить конец того порядка вещей, начало которому тысячу лет назад положил креститель Руси св. Владимир, создавший у себя церковь, связанную по византийскому образцу с государством. Будущий историк отметит эту грань как великий исторический прерыв, а патриарха Тихона признает мудрым правителем церкви, имевшим мужество осознать и принять к исполнению эту столь необычную для русского иерархического мировоззрения директиву момента, как перст свыше, как указание воли Провидения»⁵⁴, — заключал А. В. Карташев.

Часть зарубежной иерархии и мирян, перенесшая в эмиграцию «свой идеологический уклад», не поняла патриарха и разошлась с ним. В результате Карловацкий собор 1921 г. и указы патриарха Тихона объявлялись «началом особого раскола в зарубежной церкви»⁵⁵.

Для статьи об истоках раскола характерен спокойный тон историка, объясняющего объективные условия произошедшего и никого не винящего. Читателю было понятно, что А. В. Карташев — на стороне патриарха Тихона и хочет донести его «правду». Однако при этом легко было упустить из виду, что ее собственного выражения в статье нет, а есть только ее интерпретация А. В. Карташевым, использовавшим исторический дискурс не только для оправдания, по сути, собственной позиции, но и для ее «затушевывания» бесстрастно объективистским тоном. Так же бесстрастно объективистски была написана и следующая статья⁵⁶.

Начав ее с характеристики восприятия апрельского указа патриарха 1922 г.⁵⁷, отдавшего «под суд за политическую деятельность духовных глав-рей Карловацкого собора 1921 г.», А. В. Карташев отметил, что он был «для зарубежной иерархии потрясающе “революционным”». Тем самым историк приступал теперь уже к интерпретации настроений и действий карловчан. Указ наносил удар не только по привычной схеме национально-государственного служения русской церкви, но и по схеме бытового иерархического местничества, так как наряду с «отставкой» митрополита Антония он утверждал передачу всех полномочий младшему архиерею — митрополиту Евлогию. При этом историк, интерпретируя действия митрополита Антония, снимал с него возможные обвинения и перекладывал их на «крайне правое окружение

из бывших бюрократов»⁵⁸ и на «безличных» архиереев вроде бывшего ректора Петербургской духовной академии архиепископа Феофана. Именно они попытались представить митрополита Антония как истинного патриарха, поскольку он получил большинство голосов при выборе из трех кандидатов на патриаршество. Тем самым, уже как политик, А. В. Карташев оставлял митрополиту определенную свободу действий, которые позволили бы ему выйти из-под чуждого влияния и порвать с окружением. Ссылка на частную беседу с двумя иерархами, заявившими о необходимости суда над патриархом Тихоном после восстановления России, становилась вполне приемлемым аргументом в доказательстве того, что карловчане видели центр всероссийской церковной жизни в Карловцах, а не в Москве. Москва, при таком взгляде, становилась неудобной для карловчан, так как издавала неудобные, а могла издать еще более неудобные распоряжения, что вело их к фактической автокефалии с надеждой впоследствии возглавить и саму Москву. Для этого, реконструировал ход их рассуждений А. В. Карташев, осуществлялась своеобразная интерпретация патриаршего постановления 1920 г.⁵⁹ об автономном управлении каждой епархии, причем в ход пускались «множество бесстыдных софизмов», «обманно-демагогических аргументов» и «партийная аргументация»⁶⁰. Главная мысль, к которой подводил читателя А. В. Карташев, заключалась в том, что интерпретация эта означала отвержение патриаршей воли, что скрывалось от мирянской массы.

«Раскол карловчан» историк, по сути, вновь уподоблял обновленческому расколу, поскольку главным камнем преткновения в обоих случаях было отношение к государству, а виновниками — воспитанные в дореволюционных традициях иерархи, которые не переварили церковной независимости и свободы, не вынесли атмосферы аполитизма.

Им противопоставлялся компромисс митрополита Евлогия (человека «мягкого и невластного»), проявившего сочувствие митрополиту Антонию и вошедшего сочленом в «самочинно образованный» карловчанами Синод. Правда, признавший автономию западноевропейского округа Синод обвинялся историком в том, что сразу же начал ее нарушать. В результате в изображении А. В. Карташева митрополит Евлогий представлялся как иерарх, верный заветам покойного патриарха Тихона, и законный защитник своей власти. Запрещение ему священнослужения карловацким Синодом 26 января 1927 г.⁶¹ оценивалось как незаконный акт. Тем самым А. В. Карташев выступал на стороне митрополита Евлогия, защищая каноничность его власти ссылками на указы патриарха Тихона, что соответствовало его верности принципу патриаршего управления. Верность историка другому принципу — соборности — проявилась в указаниях на решения благочиннического съезда в марте и епархиального съезда в июле 1927 г.⁶², которые поддержали митрополита Евлогия. Наконец, о правоте митрополита свидетельствовала малочисленность «раскольничьих приходиков», перешедших к карловчанам в Лондоне, Берлине, Париже и Ницце, а также на Балканах и в Китае, чего не скрывал А. В. Карташев.

«Такова прискорбная игра во всероссийское церковное единодержавие, которую ведут через Карловцы близорукие политические реставраторы, не

признающие церковной свободы от политики и не дорожащие единством духовного опыта с гонимой, но полной благодатных сил и мудрости “тихоновской” церковью»⁶³, — завершал первую часть своей статьи А. В. Карташев, ставший защитником тихоновского наследия, которое было и его наследием, коренившимся в решениях Всероссийского поместного собора 1917–1918 гг.

Оценивая значение начавшихся весной 1927 г. переговоров митрополита Сергия с советской властью о компромиссе, А. В. Карташев указал на ошибочность выбранного им маневра, направленного на объединение «внутренней церкви», так как обновленчество уже утратило значение. Тактика митрополита Сергия воспринималась А. В. Карташевым как переход от оправданной «пассивной лояльности тихоновской церкви»⁶⁴ к лояльности активной, приведшей к расколу. Тем самым историк вписывал его действия в нисходящую линию раскола: живоцерковники — обновленцы — «староцерковники» (архиепископ Григорий (Яцковский)) — митрополит Сергей, признавший возможность союза церкви с советским «государством», что противоречило завету патриарха Тихона, уведшего церковь от политики. В этом он видел отступление от мученической позиции, возвращение к старорежимному началу национально-государственной церковности. «Забыта свободная, не вмещающаяся в границы государства вселенская сторона церкви», — утверждал А. В. Карташев. Подчинение советской власти вполне логично приводило его к выводу о том, что «у московского патриархата (sic! с маленькой буквы. — А. А.) уже не может быть духовных чад, не подданных советской власти»⁶⁵, а значит, требовать лояльности к советской власти от зарубежного духовенства, лишенного советского гражданства, нелогично. При этом он провел параллель между требованием митрополитом Сергием лояльности к советской власти и требованием карловчан лояльности к монархии, даже конкретно — к Романовым, т. е. уравнивал карловчан с согласной с подъяремным положением Московской патриархией⁶⁶ (хотя понятно, что сами карловчане с этим никак не могли согласиться) и показал, что «москвичи» не имеют права упрекать карловчан за подчинение политике.

Итогом такой интерпретации А. В. Карташевым действий митрополита Сергия стало его открытое письмо, помещенное в следующем номере «Борьбы за Россию», в котором он вновь указывал на ошибку митрополита, правда, смягчив эту оценку упоминанием о его «несвободе», и просил для западно-европейских приходов благословления «быть временно церковно автономными»⁶⁷. Через два дня письмо с такой просьбой митрополиту Сергию направил митрополит Евлогий⁶⁸.

Таким образом, рассмотренные выше публикации А. В. Карташева и его открытое письмо митрополиту Сергию можно оценить также как идейно-пропагандистское обоснование этой просьбы. В следующем номере еженедельника, ссылаясь на информацию от частного лица, тихоновца, об оппозиции митрополиту Сергию в церкви, историк называл слухи, что все безмолвствующие согласны с митрополитом, «сказками ГПУ-ской бабушки»⁶⁹. «Шила в мешке не утаишь: православные тихоновцы и в иерархических верхах и в мирянской массе раскололись из-за тактики митрополита Сергия»⁷⁰, — заключал А. В. Карташев.

В конце февраля следующего, 1928-го, года А. В. Карташев характеризовал действия митрополита Сергия уже не как тактику, а как политику⁷¹. Его циркуляр о молебствиях за советскую власть в связи с 10-летием большевистского переворота⁷² историк назвал проявлением «старорежимной обывательщины». Главными виновниками сохранения ее в церкви объявлялись иерархи, подобранные «не из граждан, несокрушимо борющихся за права и свободу личности, хотя бы только пассивным терпением, а из старых наивных обывателей, не могущих развязать рабьего узла государственности, стянувшего православную церковь, не понимающих, что союз, или связь, или только дружба церкви с государством допустимы лишь при условии свободы церкви»⁷³. «Церковь высшая в сравнении с государством духовная ценность, — продолжал А. В. Карташев, демонстрируя свою приверженность принципу теократии. — Как можно позволить, чтобы она была в услужении ему! Оберечь эту свободу церкви могут только люди, понимающие всем своим существом ценность свободы личности во всех областях ее творчества: и в религии, и в мысли, и в чувствах, и в воле, и в труде, и в каждом дыхании»⁷⁴, — заключал он уже в духе либеральном. Однако эта инвектива против церковной иерархии не меняла его общей оценки действий митрополита, который признал «дипломатический миф» о том, что советская власть — народная: «Обывательски абсурдная и политически невежественная линия митрополита Сергия — союза церкви и антирелигиозной власти — на деле обнаруживает свою неосуществимость»⁷⁵. Этой линии А. В. Карташев противопоставлял правильную позицию «соловецкого манифеста»⁷⁶.

В июльском номере «Борьбы за Россию» А. В. Карташев откликнулся на указ митрополита Сергия от 5 мая 1928 г., высланный митрополиту Евлогию 8 июня⁷⁷, охарактеризовав его, с одной стороны, как продолжение традиции патриарха Тихона, утвердившего митрополита Евлогия на его посту митрополита в Западной Европе и осудившего карловацкий раскол, а с другой — как необоснованный призыв в лоно своего родного патриархата «под условием обязательства лояльности к советской власти»⁷⁸. А. В. Карташев поддержал отрицание этого «глупого пункта» митрополитом Евлогием в обращении к пастве 25 июня 1928 г.⁷⁹, который повторил, что готов «не вмешивать церковь в политику и не обращать церковного амвона в политическую трибуну», но отвергал требование лояльности к советской власти. Тем самым А. В. Карташев отрекся от неприемлемой политики митрополита Сергия, признавая его «формально законным возглавителем церковных дел в <...> Московской патриархии»⁸⁰.

В конце сентября 1928 г. А. В. Карташев опубликовал второе открытое письмо в адрес митрополита Сергия⁸¹, выступая уже не столько от себя лично, сколько от имени евлогиан, представляя их твердыми тихоновцами. Верность принципу патриаршего управления он вновь четко отделял от папизма, так как она не означала признания безгрешности главы церкви, а предполагала возможность его критики на основе принципа соборности. «Имеем законную власть критиковать церковную власть и имеем соборные пути судить ее и смещать, если она неправильно поступает»⁸², — подчеркивал историк. Одержимости политическими и шовинистическими страстями епископов, творивших

беззаконные автономии и расколы по мотивам «совершенно нецерковным», он противопоставлял свободу церкви от политической зависимости, т. е. от государства, хотя об этом и не говорилось в тексте. Но в нем вполне отчетливо проглядывал принцип центризма, соответствовавший аполитизму патриарха Тихона, которому противопоставлялись обновленцы, шедшие в русле левой политики, и правые карловчане.

Выход для митрополита Сергия А. В. Карташев видел «в твердом и, если придется, мученическом соблюдении линии патриарха Тихона: признавать существующие власти как факт, вне церкви создавшийся, но не унижать ее до служения им»⁸³. Если в записке 10 июня 1926 г. митрополит Сергий шел еще по тихоновскому пути, то с 1927 г. он «идейно поскользнулся», оценивал его действия историк. По-человечески жалея и митрополита Сергия, и «народ», волю которого он хочет выражать, А. В. Карташев отмечал, что они находятся под гнетом ГПУ, и выдвигал им в качестве примера «соловецких узников».

Ошибочность вмешательства в политику проявилась на практике взаимоотношений с евлогиянами: она оказывалась на руку раскольникам-карловчанам, которые могли спекулировать на этом. «Вы истинный монах, кроткий и смиренный сердцем», — обращался к митрополиту Сергию А. В. Карташев, указывая тем самым, что его вмешательство в политику не соответствует ни условиям (тотальный контроль ГПУ), ни выучке («в призрении к политике»), ни личным чертам митрополита. Поэтому в качестве возможностей для него Антон Владимирович признавал либо вернуться на путь аполитичности, либо уйти, уступив «законно и праведно» свое место другому святителю.

Собственная позиция определялась по-прежнему: «Мы, верные чада “тихоновской” церкви, вынуждены, состоя в Вашем ведении, все же находиться с Вами в тяжбе, пред лицом грядущего свободного всероссийского собора, который, надеемся, нашу линию оправдает, а Вашу осудит»⁸⁴. Аналогичные положения в более пространном виде А. В. Карташев, как «прихожанин», представил на страницах газеты «Возрождение»⁸⁵.

Для понимания дальнейшей эволюции взглядов А. В. Карташева на отношения евлогиян с Московской патриархией важно учитывать изменение его оценок политики большевиков в отношении к церкви в СССР. Развеелись его надежды на НРеп (новую религиозную политику), о которой А. В. Карташев писал в конце 1927 г.⁸⁶, и хотя он продолжал в пропагандистском духе писать о провале большевиков «на религиозном фронте», но все же констатировал их решительное наступление на церковь с 1929 г.⁸⁷, связанное с коллективизацией. В конце 1929 — начале 1930 г. он выступал на международных митингах против гонений на религию в СССР⁸⁸. Характеризуя коммунистов как «аскетов зла и насилия», он призывал к крестовому походу против них. Такая характеристика была основанием и для выявления историком особого вида мученичества — унижения от мучителей. Проявлением его А. В. Карташев считал грубо-фальшивые, под угрозой насилия невозможные для иерарха заявления митрополита Сергия, имея в виду его заявления иностранным журналистам об отсутствии притеснений церкви в СССР. «Нам же, русским, личным друзьям митрополита Сергия, ясно, что эта уродливая карикатура его мыслей и слов —

дело рук коммунистических душителей человеческой свободы»⁸⁹, — объяснял причину такого рода заявлений Антон Владимирович. Он отчетливо понимал вынужденность таких поступков («мы на их месте были бы вынуждены делать то же самое»⁹⁰) и видел в принуждении к ним осквернение человеческой свободы и человеческого достоинства.

Однако тон и содержание его оценок изменились летом 1930 г. В самом начале июля, после июньского епархиального собрания, где была поддержана просьба о благословении автономии, на что митрополит Сергей ответил устранением митрополита Евлогия от должности, А. В. Карташев опубликовал статью в «Возрождении» с оценкой современного положения⁹¹. Новым в ней было указание на ошибочность тактики не только митрополита Сергея, но и патриарха Тихона. Возвращаясь к мысли об относительности аполитичности, автор подчеркивал, что нельзя отказаться от моральной оценки, т. е. от указания на различие между добром и злом в политике, но в то же время предостерегал церковь от слияния с мирской борьбой.

Главным дискурсом при оценке положения церкви в СССР был исторический. Отсутствие у нее опыта независимой от государства деятельности в синодальный период сказалось и после революции, когда большинство в церкви оказалось готовым «успокоиться на привычном послушании новому начальству». Патриарх Тихон выполнил «волю церковного народа, когда подписал покорность большевистской власти»⁹², а митрополит Сергей продолжил эту линию по тем же основаниям и не вел никакой личной политики. Подобной тактике «пассивной лояльности» противопоставлялся отказ от всякого «устройства» с новой властью, когда главным становился «путь мученичества», риск всеми организационными формами и вынужденный уход «в катакомбы».

По мнению А. В. Карташева, митрополит Сергей перешел от пассивной к активной лояльности, о чем свидетельствовало его февральское заявление 1930 г. перед иностранными журналистами об отсутствии гонений на церковь в СССР, на которое живо реагировала эмигрантская пресса. Антон Владимирович назвал его ошибочным, но канонически, считал историк, митрополит оставался «законным правителем патриаршей “тихоновской” церкви»⁹³, так как его ошибка не касалась ни догматов, ни канонов православия. Поэтому для А. В. Карташева неосновательным было заявление архиепископа Серафима, сделанное незадолго до того, что «м. Сергей отпал от Церкви»⁹⁴, признав коммунизм и разделяя с большевиками радость унижения веры в Бога. При этом историку пришлось прибегнуть к довольно шаткой словесной эквилибристике, чтобы доказать, что в послании 29 июля 1927 г. желание митрополита «всемирно» выразить благодарность советскому правительству за внимание «к духовным нуждам православного населения» означало признательность за легализацию церковного управления. В призыве же митрополита Сергея «быть верными гражданами Советского Союза» историк отмечал характерное «даже словесное разделение: к власти требуется только “лояльность”, а “верность” отдается отечеству, хотя и названному гнусным именем “сов. союза”». Тем самым он стремился сместить ударение на родину, на Россию и ее успехи, а не акцентировать внимание на успехах советской власти. Ссылаясь на слова

митрополита Сергия, историк пытался доказать, что последний не отождествлял цели церкви с государственными, тем более с целями советской государственности. Признавая митрополита Сергия «правлящим центром», А. В. Карташев оказывался перед трудным вопросом: как «обосновать нам сопротивление последнему указу митрополита Сергия, увольняющему митрополита Евлогия?»⁹⁵

Ответ опирался на принципы патриаршества и соборности и в этих пределах выглядел логичным: в отличие от карловчан, не подчинившихся власти патриарха и тем самым признавших его незаконным, митрополит Евлогий должен признавать законность власти митрополита Сергия, но «признание власти ни от кого не требует безапелляционного исполнения всех ее велений», — рассуждал историк. Митрополит Евлогий — не подданный власти СССР, а указ митрополита Сергия «весь от политики». Митрополит Евлогий пока не может апеллировать к «нормально действующему патриаршему управлению», а тем более — «к нормальному свободному всероссийскому собору», поэтому он «на неопределенное время» остается в положении иерарха, находящегося в тяжбе с «временным патриаршим управлением, но в неразрывном единении с самой патриаршей церковью»⁹⁶. Символическим выражением этого объявлялось возношение по-прежнему при богослужении имени местоблюстителя патриарха митрополита Петра.

Принцип соборности, являвшийся для историка эквивалентом вселенскости, при этом становился основанием для поиска путей выхода из сложившейся трудной ситуации: «Но чтобы не быть одиноким, м. Евлогий может обратиться к братской поддержке в своем правом деле ко всем главам беспорочно автокефальных восточных церквей и, конечно, найдет в их отзывах поддержку и братское свидетельство своей правоты, как оправдательный материал на грядущем судьбище поместного собора в освобожденной России». «Положение канонически совершенно беспорочное и практически благополучное»⁹⁷, — утверждал историк.

17 февраля 1931 г. митрополит Евлогий был принят под юрисдикцию Константинопольского патриарха. 15 марта этого же года А. В. Карташев на страницах «Борьбы за Россию» выступил с обоснованием этого шага в статье под красноречивым названием «ГПУ в русской церкви»⁹⁸. В ней А. В. Карташев настойчиво утверждал, что митрополит Сергий ведет ошибочную политику активной лояльности советской власти. Но, в отличие от карловчан, он считал митрополита Сергия «законным возглавителем патриаршей церкви в России». «Одновременно мы знаем, — писал историк, — что митрополит Сергий — чистый, бескорыстный и бесстрашный монах-герой, которому ничего не стоит внешне пострадать и лишиться жизни. Но он по искреннему убеждению ведет политику крайнего компромисса, отражая общее убеждение подавляющего большинства рядового духовенства и церковной обывательщины, кровно близких сердцу подлинно демократичного митрополита Сергия. Поэтому мы критикуем его без всякого морального упрека»⁹⁹.

Процесс над Промпартией и меньшевиками привел А. В. Карташева к пониманию вынужденного характера показаний на инсценированных судах, что стало основой для сострадания к тем, кто под давлением ГПУ признавал не-

существующее положение дел в СССР. Этим обуславливалось его отношение к митрополиту Сергию, в котором находилось место прощению и состраданию: «Покорность большевистскому Хаму есть тупик, в котором кончается все человеческое, всякая логика, всякая мораль»¹⁰⁰. Возвращаясь к оценке прошлогоднего февральского интервью с иностранными корреспондентами, он все же заявлял: «Поставив свою подпись под бумажкой ГПУ о том, что в России нет гонений на религию, он расписался в ликвидации последней тени своей свободы, как церковного администратора»¹⁰¹. Таким образом, заключал историк, ГПУ теперь способно делать с судьбой церкви все, что только физически сможет, протеста не будет. В свете этого вывода оценивалось требование митрополита Сергия, выдвинутое к митрополиту Евлогию, участвовавшему в январе 1930 г. в молитве англиканской иерархии в Вестминстерском аббатстве за гонимое большевиками христианство в России, как требование «отречения от его иерархической и просто нравственной и человеческой свободы, того же безличного рабства в вопросах политики, жизни и культуры, в которое попал сам»¹⁰².

Такой подход позволял критиковать действия митрополита Сергия, продиктованные зависимостью от властей, сохраняя остатки личного уважения к нему. Как невольник ГПУ, митрополит Сергей на просьбу июньского епархиального собрания ответил отказом и устранением митрополита Евлогия от должности, с угрозой запрещения ему священнослужения. «Жест неразумный и нелюбовный с чисто пастырской точки зрения, но (оставлял Антон Владимирович для митрополита Сергия возможность сохранить лицо. — А. А.) он был, очевидно, полон иносказательного смысла: “да уходите же, наконец, из-под моей зависимости; вы видите, что трагическая логика моей лояльности к власти СССР несовместима с вашей свободой!”». Так оборвалась всякая возможность длить романтику формальной связи с нашей матерью русской церковью... Церковная свобода, церковное достоинство и правда церковной жизни выше канонической корректности. Буквальное выполнение последней привело бы нас под упрек, брошенный Христом формалистам книжникам и фарисеям: “Вы разорили заповедь Божию ради предания вашего”»¹⁰³, — заключал историк, последней цитатой указывая на основополагающий для него принцип теократии.

Сочетание соборности и вселенскости позволяло А. В. Карташеву дать следующую характеристику произошедшего разрыва с Московской патриархией. Митрополит Евлогий, перенеся свой конфликт с митрополитом Сергием на суд будущего свободного всероссийского поместного собора, вышел из административного подчинения Московскому патриархату и вошел в состав патриархата Константинопольского на автономных началах и притом временно, впредь до освобождения России и русского патриаршества от ига ГПУ. Тем самым интрига ГПУ и их приспешников в эмиграции была сорвана. «Русская церковь в зарубежье может спокойно продолжать свое существование, зная, что она не причиняет своей свободой никаких огорчений митрополиту Сергию и от него не получит также никаких вынужденных ударов»¹⁰⁴. При этом признавались и отрицательные стороны в переходе в юрисдикцию другой национальной церкви. Но главным для А. В. Карташева было сохранение своей хорошо организованной церкви, которому противопоставлялось превращение в «национальную пыль»,

т. е. в отдельных приходах иных церквей. «Самосохранение в лоне греческой патриархии есть положительное благо. И с нансеновским паспортом мы все-таки — русская нация. И как константинопольская экзархия — мы все-таки — русская церковь в чистом виде, вне подчинения политике правой (карловацкой) и левой (большевистской)»¹⁰⁵, — заключал А. В. Карташев, завершая тем самым тему центризма и продолжая новую тему — тему национализма, которая становится одной из центральных в его творчестве с конца 1920-х годов.

Впоследствии, опираясь на утверждение о подчиненном положении церкви в СССР, он оправдывал решение митрополита Евлогия перейти в константинопольскую юрисдикцию и резко критиковал противников этого решения. Его оценки становились все более жесткими. В статье «"Рука Москвы" в церкви»¹⁰⁶, отмечая относительность принципа аполитизма церкви, он указывал, что политика может «вести церковь вопреки ее желанию». В результате, помимо живоцерковников и обновленцев, «сама православная "тихоновская" церковь в тюремном советском государстве [оказалась] не в силах отделаться от услуг III интернационалу». Логика рассуждения вела его к выводу, что начавшееся уже при патриархе Тихоне и продолжившееся при митрополите Сергии подчинение церкви «внешнему политическому рабству» привело к тому, что ГПУ стремилось через митрополита Сергия разрушить заграничную русскую церковь: «...коммунистические правители поставили поработщенного ими митрополита Сергия на позицию бессознательного врага свободной русской церкви за границей»¹⁰⁷. Пользуясь его формальным положением, они стремились поработить заграничную церковь. Этим оправдывались действия митрополита Евлогия, исполнившего «с величайшим самоотвержением, почти самоунижением, свой долг канонической лояльности по отношению к митрополиту Сергию»¹⁰⁸. Причем уточнялось, что он «ушел под *временную* (курсив мой. — А. А.) каноническую защиту константинопольского патриарха. Русская эмигрантская церковь при этом осталась принципиально в лоне московского патриархата и ждет с уверенностью оправдания своего поведения на будущем свободном всероссийском поместном соборе и, напротив, — осуждения актов, навязанных митрополиту Сергию»¹⁰⁹, — вновь ссылаясь на принцип соборности историк. Защита от нападок на данное решение сочетала историческую и политическую аргументацию, основанную на принципе центризма. Проявлением первой стало указание на то, что «в русском епископате старорежимного победоносцевско-саблеровского воспитания еще достаточно много элементов, не имеющих духа максимальной независимости церкви от всяких политик, от всяких национальных шовинизмов»¹¹⁰. Вторая включала следующие аргументы: ГПУ через дружественное турецкое правительство «кидается» на греческого патриарха, митрополит Елевферий (Богоявленский) в Литве, дружественной Германии, а следовательно, и СССР, и «большевизанствующий» епископ Вениамин (Федченков) организуют раскол крайне левого политического толка (шлют протесты константинопольскому патриарху за незаконный протекторат). Справа — карловчане, митрополит Антоний также шлет протест в Константинополь (и те и другие «играют на руку ГПУ»). Карловчане, с точки зрения А. В. Карташева, делали это бессознательно, так как ненавидели независимую позицию «самой

главной в эмиграции, самой сильной, самой многочисленной, коренной, центральной церкви, возглавляемой митрополитом Евлогием»¹¹¹. Вполне логичным итоговым выводом для него становилось: «Интрига ГПУ против эмиграции не удалась»¹¹².

Наконец, последним по времени непосредственным обращением к вопросу о взаимоотношениях с Московской патриархией стал отклик А. В. Карташева на книгу отца Михаила Польского «Положение Церкви в советской России» (Иерусалим, 1931)¹¹³. В этой книге историк увидел подтверждение ложности тактики митрополита Сергия. Но рецензия важна в другом отношении: в ней завершилась эволюция восприятия историком положения церкви в СССР. Отец Михаил в представлении А. В. Карташева — пессимист, считавший, что лояльность не может спасти церковь от ликвидации ее большевиками. Хотя историк был не согласен с пессимизмом автора, но поддерживал его мысль, что «игра на одной канонической легальности не может гарантировать подлинности церковной жизни и верности Христу». Себя же А. В. Карташев позиционировал как оптимиста. Административно-идейные заблуждения митрополита Сергия, с его точки зрения, «не уничтожают ее (Московской патриархии. — А. А.) православной сущности и православной жизни, хотя бы катакомбные праведники и превосходили ее мерой своей праведности». Видевшийся ему выход для митрополита Сергия — сесть в тюрьму, что сразу же сделало бы церковь праведной и гонимой. Отец Михаил не верил в такую возможность, а А. В. Карташев верил: «Такой морально и умственно крупный человек, как митрополит Сергий, если убеждение и совесть ему подскажут, способен и на это и даже на большее. Нельзя никогда терять веры в царстве веры». Но этого не произошло, и А. В. Карташеву пришлось признать мысль о «самоупразднении русской церкви в России»¹¹⁴. Единственно праведной в СССР для него осталась катакомбная и гонимая церковь, представители которой несли свой крест в лагерях ГУЛАГА. К проблеме же взаимоотношений между евлогиянами и Московской патриархией он не возвращался вплоть до 1945 г.

Таким образом, рассмотренный дискурс А. В. Карташева представлял собой сложное переплетение политической, религиозной и исторической аргументации. Определяющим моментом в нем стал аполитизм тихоновской линии, который хорошо логически увязывался с непредрежденчеством, но противоречил непримиримости, поэтому данный принцип, по сути, становился прикрытием центризма, когда в политической ангажированности обвинялись левые и правые. Сделанная уступка непримиримости, допускавшаяся в эмиграции, привела к тому, что центризм стал каждый раз проступать из-за аполитизма, когда давались негативные оценки как правым, так и левым уклонам в церкви, будь то карловчане, обновленцы, новые автономные образования в «лимитрофах» и т. д. Но эта политическая аргументация носила преимущественно латентный характер, выступая как оценочные суждения, поскольку А. В. Карташев, будучи мирянином, имел возможность открыто выражать и проводить свои политические взгляды на страницах «Вестника Русского национального комитета» и в его деятельности. Значительно важнее была религиозная аргументация, основанная на теократической концепции А. В. Карташева,

которая детально разрабатывалась в других статьях о «симфонии» церкви и государства и о «Святой Руси». Применительно к рассматриваемой проблеме она выражалась в верности эkkлeзиoлoгичeским принципам патриаршества, соборности и вселенскости. Причем значение последнего аргумента постепенно возрастало и в конечном счете вышло на первый план в качестве главного аргумента, оправдывающего временный переход в юрисдикцию Константинопольского патриархата для сохранения каноничности положения русских православных приходов в Западной Европе. Наряду с религиозной все более значимой постепенно становилась историческая аргументация. С одной стороны, ею определялась общая историческая перспектива константиновского периода развития отношений церкви и государства, с другой — А. В. Карташев постоянно историзировал происходящие изменения не только во взаимоотношениях возглавляемых митрополитом Евлогием приходов с Московской патриархией, но и в целом во всей Российской православной церкви, представляя их как череду расколов. С учетом религиозного аспекта дискурса это являлось раскрытием Божественного предопределения в свободной деятельности людей, осмысление чего было суровой аскезой историка.

¹ Антощенко А. В. Историографический обзор исследований жизни и творчества А. В. Карташева // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 4. С. 26–33.

² См., напр.: Бычков С. П. «Можно пустить действенную стрелу в сознание церкви лишь став на общую с ней почву...» А. В. Карташев как аналитик событий церковной жизни России в 1911–1917 гг. в газете «Русское Слово». Проблематика публикаций // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2019. № 4. С. 69–80; Воронцова И. В. А. В. Карташев и «неохристианство»: интеллектуальная биография историка // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 8. С. 65–71. — На фоне этих статей, написанных с широким привлечением ранее не использовавшихся источников, новейшая публикация Н. Ю. Суховой (Сухова Н. Ю. «Вопреки стеснительному режиму со времени Петра Великого наша Церковь все-таки расцвела»: синодальный период Российской православной церкви в оценках А. В. Карташева // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2019. № 3. С. 66–82) представляется недостаточно обоснованной.

³ См., напр.: Антощенко А. В. Методологические подходы к изучению интеллектуальной биографии А. В. Карташева // Реальность. Человек. Культура: мыслитель в современном мире: X Ореховские чтения: материалы всерос. науч. конф. (Омск, 16 ноября 2018 г.). Омск, 2018. С. 6–9.

⁴ См. подробнее: Loriga S. Biographical and historical writing in the 19th and 20th centuries // Transition to Modernity colloquium. New Haven, 2008. The McMillan center. URL: <http://www.yale.edu/macmillan/transitiontomodernity/papers/SabinaLoriga.pdf> (дата обращения: 23.05.2019).

⁵ См. подробнее: Fairclough N. Analysing discourse. New York, 2003; Methods of critical discourse analysis / eds R. Wodak, M. Meyer. London, 2001.

⁶ Бычков С. П. Между двумя митрополитами. А. В. Карташев как историк русской церкви и политик в эмиграции // Мир историка. Омск, 2007. Вып. 3. С. 460–477.

⁷ Карташев А. В. Политика и Церковь // Русская мысль. Прага, 1922. Кн. 1–2. С. 286–296. — Ср. современную оценку: Кострюков А. А. Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов. Организация церковного управления в эмиграции. М., 2007. С. 54–69.

⁸ Карташев А. В. Задачи, характер и программа Русского национального объединения. Доклад съезду Русского национального объединения в Париже 5–12 июня 1921 г. Париж, 1921. — Ср.: Егоров А. Н. Антон Владимирович Карташев: «Мы были слишком Гамлетами и не

могли угнаться за катастрофическим ходом событий...» // Российский либерализм: идеи и люди / под общ. ред. А. А. Кара-Мурзы. М., 2007. С. 840. — Парадоксальным образом автор не заметил «центризм» как основу идеологии РНК.

⁹ *Карташев А. В.* Реформа, реформация и исполнение Церкви. СПб., 1916. С. 15 и сл.

¹⁰ *Карташев А. В.* Мои ранние встречи с о. Сергием Булгаковым // Православная мысль. 1951. Вып. IX. С. 54.

¹¹ См. подробнее: *Антощенко А. В.* Об эволюции теократического идеала А. В. Карташева // Вече. 1997. Вып. 9. С. 71–86; *Сомин Н. В.* А. В. Карташев о взаимоотношении церкви и государства // Ежегодная богословская конференция ПСТБИ. Материалы 1998 г. М., 1998. С. 159–162.

¹² *Карташев А. В.* Реформа... С. 16.

¹³ *Карташев А. В.* Завоевания революции в русской церкви // Вестник РНК. 1923. № 3. С. 3–6.

¹⁴ Там же. С. 4.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Более того, А. В. Карташев был сторонником «антибольшевистского активизма», предполагающего индивидуальный террор, что противоречило евангельскому «Не убий». Это потребовало от него дополнительных интеллектуальных усилий, чтобы оправдать «активизм». См., напр.: *Карташев А. В.* Тираноубийство // Вестник РНК. 1923. № 7. С. 5–7.

¹⁷ *Карташев А. В.* Завоевания революции... С. 5.

¹⁸ О значении этого принципа для эмигрантской церкви см.: *Нивьер А.* Русская церковная эмиграция и Московский поместный собор 1917–1918 годов: принятие и применение соборных решений в 1920–1930 годах // Свет Христов просвещает всех: альманах Свято-Филаретовского православно-богословского института. 2018. № 28. С. 88–110.

¹⁹ *Карташев А. В.* Сим победиши // Возрождение. 1925. 3 июня.

²⁰ Там же.

²¹ *Карташев А.* Без патриарха Тихона // Русская газета (Париж). 1925. 26 апр. — Ср. с современной оценкой: *Цыпин В., протоиер.* История Русской церкви: в 9 кн. Кн. 9. М., 1997. С. 118–125.

²² *Карташев А. В.* Сим победиши.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ О причинах этого см.: *Кострюков А. А.* Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 гг. Юрисдикционные конфликты и отношения с московской церковной властью. М., 2012. С. 19–32.

²⁶ *Карташев А.* Расколы русской церкви // Возрождение. 1925. 13 июля.

²⁷ Там же.

²⁸ Позже митрополиту Евлогию пришлось дезавуировать это положение. См. подробнее: Церковный вестник. 1927. № 2. С. 15.

²⁹ Церковные ведомости. 1927. № 1–2. С. 3–5.

³⁰ Ответ митрополита Евлогия архиерейскому синоду // Возрождение. 1927. 2 февр.

³¹ Обращение митрополита Евлогия к духовенству и приходам // Возрождение. 1927. 5 февр. — Ср.: *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. Париж, 1947. С. 615–616.

³² Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 7354. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–6.

³³ Очевидно, А. В. Карташев, как председатель РНК, чуть позже инициировал осуждение комитетом действий крайне правых, которые с помощью сочувствующих им иерархов хотели «объявить зарубежную русскую церковь, собственно, ее Карловацкий центр, высшей властью для церкви всероссийской, вместо власти гонимого и угнетаемого патриаршего управления» (Национальный комитет о церковных нестроениях // Возрождение. 1927. 25 марта).

³⁴ ГАРФ. Ф. 7354. Оп. 1. Д. 17. Л. 4.

³⁵ Там же. Л. 1.

³⁶ Там же. Л. 1–2.

³⁷ Ср.: *Arjakovsky A.* “The Way”: religious thinkers of the Russian emigration in Paris and their journal. 1925–1940. Notre Dame, 2013. P. 84–85, 112.

- ³⁸ *Мирянин* [*Карташев А. В.*] В чем суть разделения в зарубежной церкви? // Церковный вестник. 1927. № 2. С. 21.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ *Карташев А.* Провал религиозного фронта // Борьба за Россию. 1927. 16 июля. С. 10–11.
- ⁴² Церковный вестник. 1927. № 3. С. 4–5.
- ⁴³ *Карташев А.* Судьба красноцерковничества // Борьба за Россию. 1927. 30 июля. С. 3–5.
- ⁴⁴ *Карташев А.* Православные русские люди! // Там же. 6 авг. Приложение. С. 17.
- ⁴⁵ *Карташев А.* Расколы во всероссийской Церкви // Там же. 13 авг. С. 3–5.
- ⁴⁶ Ср. с современными оценками: *Мазырин А. В., Кострюков А. А.* Из истории взаимоотношений Русской и Константинопольской Церквей. 2-е изд. М., 2019. С. 260–265.
- ⁴⁷ *Карташев А.* Истоки раскола в зарубежной Церкви // Борьба за Россию. 1927. 20 авг. С. 5–7.
- ⁴⁸ Там же. С. 5.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Ср.: *Карташев А.* Антоний // Новый энциклопедический словарь: в 31 т. Т. 3. СПб., 1911. С. 67–69.
- ⁵¹ *Карташев А.* Истоки... С. 5.
- ⁵² Там же. С. 7.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ *Карташев А.* Церковный вопрос // Борьба за Россию. 1927. 3 сент. С. 1–6.
- ⁵⁷ См. текст указа: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943. М., 1994. С. 193–194.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ См. текст постановления: Церковные ведомости. 1922. № 1. С. 2–3.
- ⁶⁰ *Карташев А.* Церковный вопрос. С. 2.
- ⁶¹ См.: Церковные ведомости. 1927. № 1–2. С. 3–5.
- ⁶² Труды епархиального собрания западноевропейских православных русских церквей, состоявшегося с 3 по 8 июля 1927 г. в Париже // Церковный вестник. 1927. № 2. С. 6–17.
- ⁶³ *Карташев А.* Церковный вопрос. С. 3.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Эту же мысль он проводил в двух статьях, помещенных в издаваемом П. Б. Струве еженедельнике «Россия», отстаивая свободу церкви от политического давления: *Карташев А. В.*: 1) Поражение и победа православия // Россия. 1927. 3 сент.; 2) За свободу Церкви! // Там же. 29 окт.
- ⁶⁷ *Карташев А. В.* Заместителю местоблюстителя патриаршего престола митрополиту Сергию // Борьба за Россию. 1927. 10 сент. Приложение. С. 9–10.
- ⁶⁸ Ответ митрополита Евлогия митрополиту Сергию // Возрождение. 1927. 16 сент.
- ⁶⁹ *Карташев А. В.* Чего не скрыть // Борьба за Россию. 1927. 17 сент. С. 1.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ *Карташев А.* Неудача политики митрополита Сергия // Там же. 1928. 25 февр. С. 2–3.
- ⁷² Имелся в виду циркулярный указ митрополита Сергия и Временного при нем Патриаршего Священного Синода о поминании за богослужением от 21 октября 1927 г. за № 549, в котором вводилось в качестве обязательного поминание «о богохранимой стране нашей, властех и воинстве ея, да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте».
- ⁷³ *Карташев А.* Неудача политики митрополита Сергия. С. 3.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ К правительству СССР (Обращение православных епископов из Соловецких островов) // Вестник Русского студенческого христианского движения. 1927. № 7. С. 19–26.

- ⁷⁷ См. текст указа: Церковный вестник. 1928. № 12. С. 2.
- ⁷⁸ *Карташев А.* Пути и бездорожья православной церкви // *Борьба за Россию*. 1928. 14 июля. С. 6.
- ⁷⁹ Послание митрополита Евлогия // *Возрождение*. 1928. 29 июня.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ *Карташев А.* 2-е открытое письмо заместителю местоблюстителя Всероссийского патриаршего престола, митрополиту Сергию // *Борьба за Россию*. 1928. 29 сент. С. 2–7.
- ⁸² Там же. С. 2.
- ⁸³ Там же. С. 4.
- ⁸⁴ Там же. С. 7.
- ⁸⁵ *Прихожанин [Карташев А.В.]*. Беседа о церковном споре // *Возрождение*. 1928. 30 сент.; 3, 5, 9, 12, 14 окт.
- ⁸⁶ *Карташев А.* Религиозный «нэп» // *Борьба за Россию*. 1927. 24 дек. С. 6.
- ⁸⁷ *Карташев А.* : 1) Черт перед заутреней // *Борьба за Россию*. 1929. 1 мая. Первое приложение. С. 17–18; 2) Глупое и безнадежное дело // Там же. 15 июля. С. 3–5; 3) Нет Иверской, будет Иверская! // Там же. 15 авг. С. 3–4.
- ⁸⁸ Речь А. В. Карташева. Митинг протеста в Париже против зверств советской власти в России (в зале Ваграм 28 декабря 1929 г.) // Там же. 1930. 8 января. С. 5; *Карташев А.* К крестовому походу (Речь на митинге протеста против религиозных гонений в России 5 марта 1930 г. в Роттердаме) // Там же. 15 марта. Первое приложение. С. 17–18.
- ⁸⁹ *Карташев А.* К крестовому походу. С. 18.
- ⁹⁰ Там же.
- ⁹¹ *Карташев А.* Церковные перспективы // *Возрождение*. 1930. 2 июля.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ Там же.
- ⁹⁴ Беседа с архиепископом Серафимом // Там же. 25 июня.
- ⁹⁵ Там же.
- ⁹⁶ Там же.
- ⁹⁷ *Карташев А.* Церковные перспективы.
- ⁹⁸ *Карташев А.* ГПУ в русской церкви // *Борьба за Россию*. 1931. 15 марта. С. 5–6.
- ⁹⁹ Там же. С. 5.
- ¹⁰⁰ Там же.
- ¹⁰¹ Там же. — Ср.: *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. С. 620–621.
- ¹⁰² *Карташев А.* ГПУ в русской церкви. С. 5.
- ¹⁰³ Там же. С. 6.
- ¹⁰⁴ Там же.
- ¹⁰⁵ Там же.
- ¹⁰⁶ *Карташев А.* «Рука Москвы» в церкви // *Борьба за Россию*. 1931. 15 июня. С. 2–5.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 3.
- ¹⁰⁸ Там же.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 4.
- ¹¹⁰ Там же.
- ¹¹¹ Там же. С. 5.
- ¹¹² Там же. С. 6.
- ¹¹³ *Карташев А. В.* Еще о трагедии русской церкви // *Россия и славянство*. 1931. 3 окт. С. 3.
- ¹¹⁴ Там же.

Статья поступила в редакцию 23 сентября 2019 г.

Рекомендована в печать 19 мая 2020 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Антощенко А. В. А. В. Карташев о взаимоотношениях русских православных приходов в Западной Европе с Московской патриархией в 1920–1930-х годах // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 3. С. 643–666.

<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.306>

УДК 93/94+273.99

Аннотация: Автор статьи осуществляет дискурс-анализ публицистических статей известного эмигрантского историка, богослова и общественного деятеля А. В. Карташева с целью понять его отношение к расколам Российской православной церкви, вызванным революцией 1917 г. в России, и выяснить предлагаемые им способы формирования восприятия этих расколов читателями. В результате исследования выявлено сложное соотношение политической, религиозной и исторической аргументации в дискурсе А. В. Карташева. Политические аргументы с самого начала были отодвинуты им на второй план заявлением аполитизма, который исходно распространялся и на российских эмигрантов. Впоследствии он отказался от аполитизма как принципа деятельности в эмиграции, чтобы последовательно проводить политику непримиримости к большевикам. Политическая аргументация по-прежнему оставалась на втором плане по сравнению с исторической и религиозной, поскольку церковь не должна была вмешиваться в политику. Карташев последовательно историзировал современные переживаемые события, чтобы, исходя из исторической перспективы, давать оценки политической ориентации и конкретным действиям церковных иерархов. Этим создавалась иллюзорная возможность сохранения юридического подчинения Московской патриархии, все более зависевшей от большевистского режима. Послереволюционная история Российской православной церкви виделась Карташеву как череда расколов, ослабляющих ее. Последнее постепенно выдвигало на первый план именно религиозную аргументацию в обосновании конкретных мер по сохранению канонического устройства западноевропейских приходов, возглавляемых митрополитом Евлогием, при разрыве с Карловацким архиерейским синодом и с Московской патриархией.

Ключевые слова: Антон Владимирович Карташев, Евлогий (Георгиевский), Антоний (Храповицкий), Сергей (Страгородский), русские православные приходы, Западная Европа, Архиерейский синод, Русская православная церковь за границей, Московская патриархия.

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 18-09-00172 «В поисках Святой Руси: биография А. В. Карташева (1875–1960)».

Сведения об авторе: Антощенко А. В. — д-р ист. наук, проф., Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия); antoshchenko@yandex.ru

Петрозаводский государственный университет, Россия, 185910, Петрозаводск, ул. Ленина, 33

FOR CITATION

Antoshchenko A. V. 'A. V. Kartashev on the Relationship between Russian Orthodox Parishes in Western Europe and the Moscow Patriarchate in the 1920s — 1930s', *Modern History of Russia*, vol. 10, no. 3, 2020, pp. 643–666. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.306> (In Russian)

Abstract: The author carries out a discourse analysis of journalistic articles by well-known Russian emigrant historian, theologian, and public figure Anton Kartashev in order to understand his attitude to the schisms of the Russian Orthodox Church caused by the Russian Revolution, and to clarify his methods for shaping his readers' perceptions of these events. This analysis reveals a complex correlation of political, religious, and historical argumentation. From the very beginning, political arguments were pushed into the background by a statement of apolitism, which initially extended to Russian emigrants. Subsequently, he abandoned apolitism as a principle of activity in exile in order to consistently pursue a policy of intransigence with the Bolsheviks. Political argumentation remained in the background compared to historical and religious facets, since the church should not

interfere in politics. He consistently historicized contemporary experiences, based on a historical perspective, to give an assessment of the political orientation and concrete actions of the hierarchs. This created an illusory opportunity to maintain the legal subordination to the Moscow Patriarchate, which increasingly depended on the Bolshevik regime. He saw the post-revolutionary history of the Russian Orthodox Church as a series of schisms that weakened it. This gradually brought a precise religious argument to the forefront in substantiating specific measures to preserve the canonical structure of Western European parishes headed by the Metropolitan Eulogius, at the break with the Synod of Bishops in Sremski Karlovtsi and with the Moscow Patriarchate.

Keywords: Anton Kartashev, Eulogiy (Georgievskiy), Anthoniy (Khrapovitskiy), Sergiy (Stragorodskiy), Russian Orthodox parishes, Western Europe, Synod of Bishops, Russian Orthodox Church Abroad, Moscow Patriarchate.

This research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no. 18-09-00172 "In search of the Holy Rus': A. V. Kartashev's biography (1875–1960)".

Author: *Antoshchenko A. V.* — Dr. Sci. in History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia); antoshchenko@yandex.ru

Petrozavodsk State University, 33, ul. Lenina, Petrozavodsk, 185910, Russia

References:

- Antoshchenko A. V. 'Methods of studying of A. V. Kartashev's intellectual biography', *Realnost'. Chelovek. Kul'tura: Myslitel' v sovremennoy mire: X Orekhovskie chteniya: materialy vseros. nauch. konf. (Omsk, 16 noiabria 2018 g.)* (Omsk, 2018). (In Russian)
- Antoshchenko A. V. 'On A. V. Kartashev's theocratic ideal evolution', *Veche*, iss. 9 (St. Petersburg, 1997). (In Russian)
- Antoshchenko A. V. 'Review of historical writings on A. V. Kartashev's life and works', *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4, 2019 (In Russian). <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2019.327>.
- Arjakovsky A. *"The Way": religious thinkers of the Russian emigration in Paris and their journal. 1925–1940* (Notre Dame, 2013).
- Bychkov S. P. "One can point a straight arrow to the consciousness of Russian Orthodox Church only sharing the common ground with it...". A. V. Kartashev as an analyst of clerical life in Russia in 1911–1917 in "Russkoe Slovo" newspaper. Publications issues', *Vestnik Omskogo universiteta, ser. Istoricheskie nauki*, no. 4, 2019. (In Russian). <https://doi.org/10.24147/2312-1300.2019.4.69-80>.
- Bychkov S. P. 'Between two metropolitans. A. V. Kartashev as a historian of the Russian Orthodox Church and a politician in exile', *Mir istorika*, iss. 3 (Omsk, 2007). (In Russian)
- Egorov A. N. 'Anton Vladimirovich Kartashev: "We were like Hamlet alas and could not keep up with the catastrophic course of events..."', *Rossiiskii liberalism: idei i lyudi*, ed. by A. A. Kara-Murza (Moscow, 2007). (In Russian)
- Fairclough N. *Analysing discourse* (New York, 2003).
- Kostryukov A. A. *Russian Church Abroad in 1925–1938: Jurisdictional conflicts and relations with the Moscow Patriarchate* (Moscow, 2012). (In Russian)
- Kostryukov A. A. *Russian Church Abroad in the first half of the 1920s. Church administrative organization in exile* (Moscow, 2007). (In Russian)
- Loriga S. 'Biographical and historical writing in the 19th and 20th centuries', *Transition to Modernity colloquium* (New Haven, 2008).
- Mazyrin A. V., Kostryukov A. A. *From the history of Russian and Constantinople Churches interactions*, 2nd ed. (Moscow, 2019). (In Russian)
- Methods of critical discourse analysis*, Eds R. Wodak, M. Meyer. (London, 2001).
- Nivière A. 'Russian clerical emigration and the Moscow Local Council in 1917–1918: making and implementing its decisions in 1920s–1930s', *Svet Khristov prosveshchaet vsekhn: almanakh Svyato-Filaretovskogo pravoslavnogo instituta*, no. 28, 2018. (In Russian)
- Somin N. V. 'A. V. Kartashev on the relationship between the Church and the states', *Ezhegodniya bogoslovovskaya konferentsiya PSTBI. Materialy 1998 g.* (Moscow, 1998). (In Russian)

Sukhova N. Yu. "Despite the vexatious regime of Peter the Great's times, our church managed to flourish": A.V.Kartashev's views on the Synodal period of Russian Orthodox Church', *Vestnik Yekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii*, no. 3, 2019. (In Russian)

Tsylin V. *A history of the Russian Orthodox Church*, in 9 vols, vol. 9 (Moscow, 1997). (In Russian)

Vorontsova I. V. 'A.V.Kartashev and "neo-Christianity": the intellectual biography of the historian', *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, no.8, 2019. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2019.414>. (In Russian)

Received: September 23, 2019

Accepted: May 19, 2020